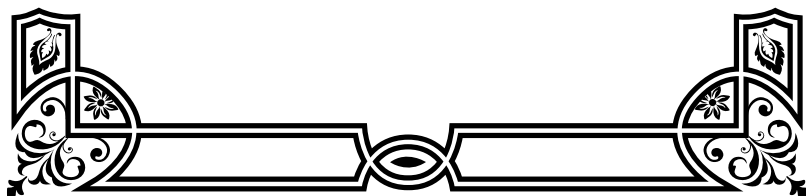

Фрэнсис Скотт
ФИЦДЖЕРАЛЬД

Фрэнсис Скотт
ФИЦДЖЕРАЛЬД

Все романы
в одном томе

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ф66

Серия «Все в одном томе»

Francis Scott Fitzgerald
THIS SIDE OF PARADISE
THE BEAUTIFUL AND DAMNED
THE GREAT GATSBY
TENDER IS THE NIGHT
THE LAST TYCOON

Перевод с английского

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В. Воронина*

Фицджеральд, Фрэнсис Скотт.
Ф66 Все романы в одном томе : [сборник : перевод с английского-
го] / Фрэнсис Скотт Фицджеральд. — Москва : Издательство
АСТ, 2019. — 1216 с. — (Все в одном томе).

ISBN 978-5-17-118245-8

Под одной обложкой представлены ВСЕ РОМАНЫ классика американской литературы Фрэнсиса Скотта Фицджеральда.

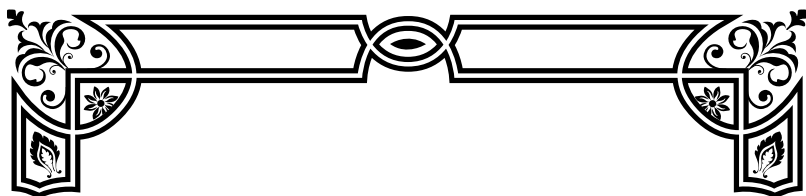
От ранних, ироничных и печальных произведений «По эту сторону рая» и «Прекрасные и обреченные», своеобразных манифестов молодежи «века джаза», до поздних признанных шедевров — «Великий Гэтсби», «Ночь нежна» и «Последний магнат».

Глубокая, очень разная по содержанию проза об искрометной жажде жизни, манящей и ускользающей любви, волнующей погоне за мечтой и вечном празднике, который в любой момент может обернуться трагедией.

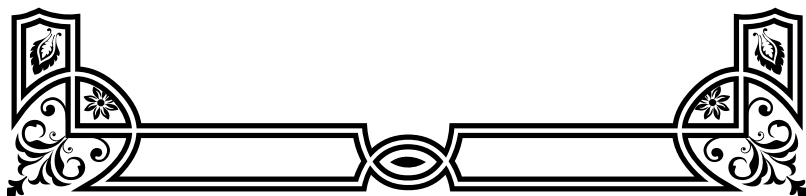
УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-118245-8

© Перевод. М. Лорие, наследники, 2013
© Перевод. В. Рогов, наследники, 2019
© Перевод. Л. Папилина, 2018
© Перевод. И. Доронина, 2014
© Перевод. И. Майгурова, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ПО ЭТУ
СТОРОНУ РЯЯ

...По эту сторону рая
Мудрость — опора плохая.

Руперт Брук

Опытom люди называют свои
ошибки.

Оскар Уайльд

Книга первая

РОМАНТИЧЕСКИЙ ЭГОИСТ

Глава I

ЭМОРИ, СЫН БЕАТРИСЫ

Эмори Блейн унаследовал от матери все, кроме тех нескольких трудно определимых черточек, благодаря которым он вообще чего-нибудь стоил. Его отец, человек бесхарактерный и безликий, с пристрастием к Байрону и с привычкой дремать над «Британской энциклопедией», разбогател в тридцать лет после смерти двух старших братьев, преуспевающих чикагских биржевиков, и, воодушевленный открытием, что к его услугам весь мир, поехал в Бар-Харбор, где познакомился с Беатрисой О'Хара. В результате Стивен Блейн получил возможность передать потомству свой рост — чуть пониже шести футов — и свою неспособность быстро принимать решения, каковые особенности и проявились в его сыне Эмори. Долгие годы он маячил где-то на заднем плане семейной жизни, безвольный человек с лицом, наполовину скрытым прямыми шелковистыми волосами, вечно поглощенный «заботами» о жене, вечно снедаемый сознанием, что он ее не понимает и не в силах понять.

Зато Беатриса Блейн, вот это была женщина! Ее давнишние снимки — в отцовском поместье в Лейк-Джинева, штат Висконсин, или в Риме, у монастыря Святого Сердца — роскошная деталь воспитания, доступного в то время только дочерям очень богатых родителей, — запечатлели восхитительную тонкость ее черт, законченную изысканность и простоту ее туалетов. Да, это было блестящее воспитание, она провела юные годы в лучах Ренессанса, приобщилась к последним сплетням о всех старинных римских семействах, ее, как баснословно богатую юную американку, знали по имени кардинал Витори и королева Маргарита, не говоря уже о менее явных знаменитостях, о которых и услышать-то можно было, только обладая определенной культурой. В Англии она научилась предпочитать вино виски с содовой, а за зиму, проведенную в Вене, ее светская болтовня стала и разнообразнее, и смелее. Словом, Беатрисе О'Хара досталось в удел воспитание, о каком

в наши дни нельзя и помыслить; образование, измеряемое количеством людей и явлений, на которые следует взирать свысока или же с благоговением; культура, вмещающая все искусства и традиции, но ни единой идеи. Это было в самом конце той эпохи, когда великий садовник срезал с куста все мелкие неудавшиеся розы, чтобы вывести один безупречный цветок.

В каком-то промежутке между двумя захватывающими сезонами она вернулась в Америку, познакомилась со Стивеном Блейном и вышла за него замуж — просто потому, что немножко устала, немножко загрустила. Своего единственного ребенка она носила томительно скучную осень и зиму и произвела на свет весенним днем 1896 года.

В пять лет Эмори уже был для нее прелестным собеседником и товарищем. У него были каштановые волосы, большие красивые глаза, до которых ему предстояло дорасти, живой ум, воображение и вкус к нарядам. С трех до девяти лет он объездил с матерью всю страну в личном салон-вагоне ее отца — от Коронадо, где мать так скучала, что с ней случился нервный припадок в роскошном отеле, до Мехико-Сити, где она заразилась легкой формой чахотки. Это недомогание пришлось ей по вкусу, и впоследствии она, особенно после нескольких рюмок, любила пользоваться им как элементом атмосферы, которой себя окружала.

Таким образом, в то время как не столь удачливые богатые мальчишки воевали с гувернантками на взморье в Ньюпорте, в то время как их шлепали и журили и читали им вслух «Дерзай и сделай» и «Фрэнка на Миссисипи», Эмори кусал безропотных малолетних рассыльных в отеле «Уолдорф», преодолевал врожденное отвращение к камерной и симфонической музыке и подвергался в высшей степени выборочному воспитанию матери.

— Эмори!

— Что, Беатриса? (Она сама захотела, чтобы он так странно ее называл.)

— Ты и не думай еще вставать, милый. Я всегда считала, что рано вставать вредно для нервов. Клотильда уже распорядилась, чтобы завтрак принесли тебе в номер.

— Ладно.

— Я сегодня чувствую себя очень старой, Эмори, — вздыхала она, и лицо ее застывало в страдании, подобно прекрасной камее, голос искусно замирал и повышался, а руки взлетали выразительно, как у Сары Бернар. — Нервы у меня вконец издерганы. Завтра мы уедем из этого ужасного города, поищем где-нибудь солнца.

Сквозь спутанные волосы Эмори поглядывал на мать своими пронизательными зелеными глазами. Он уже тогда не ободрялся на ее счет.

— Эмори!

— Ну что?

— Тебе необходимо принять горячую ванну — как можно горячее, как сможешь терпеть, и дать отдых нервам. Если хочешь, можешь взять в ванну книжку.

Ему еще не было десяти, когда она пичкала его фрагментами из «Fêtes galantes»¹ Дебюсси; в одиннадцать лет он бойко, хотя и с чужих слов, рассуждал о Брамсе, Моцарте и Бетховене. Как-то раз, когда его оставили одного в отеле, он отведал абрикосового ликера, которым поддерживала себя мать, и, найдя его вкусным, быстро опьянел. Сначала было весело, но на радостях он попробовал и закурить, что вызвало вульгарную, самую плебейскую реакцию. Этот случай привел Беатрису в ужас, однако же втайне и позабавил ее, и она, как выразилось бы следующее поколение, включила его в свой репертуар.

— Этот мой сынишка, — сообщила она однажды при нем целому сборищу женщин, внимавших ей со страхом и восхищением, — абсолютно все понимает и вообще очарователен, но вот здоровье у него слабое... У нас ведь у всех слабое здоровье. — Ее рука сверкнула белизной на фоне красивой груди, а потом, понизив голос до шепота, она рассказала про ликер. Гости смеялись, потому что рассказывала она отлично, но несколько буфетов было в тот вечер закрыто на ключ от возможных поползновений маленьких Бобби и Бетти...

Семейные паломничества неизменно совершались с помпой: две горничные, салон-вагон (или мистер Блейн, когда он оказывался под рукой) и очень часто — врач. Когда Эмори болел коклюшем, четыре специалиста, рассевшись вокруг его кровати, бросали друг на друга злобные взгляды; когда он подхватил скарлатину, число служающих, включая врачей и сиделок, достигло четырнадцати. Но несмотря на это, он все же выздоровел.

Имя Блейн не было связано ни с одним из больших городов. Они были известны как Блейны из Лейк-Джинева; взамен друзей им вполне хватало многочисленной родни, и они пользовались веком везде — от Пасадены до мыса Код. Но Беатриса все больше

¹ «Галантные праздники» (фр.).

и больше тяготела к новым знакомствам, потому что некоторые свои рассказы, как, например, о постепенной эволюции своего организма или о жизни за границей, ей через определенные промежутки времени требовалось повторять. Согласно Фрейдю, от этих тем, как от навязчивых снов, нужно было избавляться, чтобы не дать им завладеть ею и подточить ее нервы. Но к американкам, особенно к кочевому племени уроженок Запада, она относилась критически.

— Их невозможно слушать, милый, — объясняла она сыну. — Они говорят не как на Юге и не как в Бостоне, их говор ни с какой местностью не связан, просто какой-то акцент... — Начиналась игра фантазии. — Они откапывают какой-нибудь обветшалый лондонский акцент, давно оставшийся не у дел, — надо же кому-то его приютить. Говорят, как английский дворецкий, который несколько лет прослужил в оперной труппе в Чикаго. — Дальше шло уже почти непонятное. — Наверно... период в жизни каждой женщины с Запада... чувствует, что ее муж достаточно богат, чтобы ей уже можно было обзавестись акцентом... они пытаются пустить мне пыль в глаза, *мне*...

Собственное тело представлялось ей клубком всевозможных болезней, однако свою душу она тоже считала больной, а значит — очень важной частью себя. Когда-то она была католичкой, но, обнаружив, что священники слушают ее гораздо внимательнее, когда она готова либо вот-вот извериться в матери-церкви, либо вновь обрести веру в нее, удерживалась на неотразимо шаткой позиции. Порой она сетовала на буржуазность католического духовенства в Америке и утверждала, что, доведись ей жить под сенью старинных европейских соборов, ее душа по-прежнему горела бы тонким язычком пламени на могущественном престоле Рима. В общем, священники были, после врачей, ее любимой забавой.

— Ах, епископ Уинстон, — заявляла она, — я вовсе не хочу говорить о себе. Воображаю, сколько истеричек толпится с просьбами у вашего порога, зная, какой вы симпатиком... — Потом, после паузы, заполненной репликой священника: — Но у меня, как ни странно, совсем иные заботы.

Только тем священнослужителям, что носили сан не ниже епископского, она поверяла историю своего клерикального романа. Давным-давно, только что вернувшись на родину, она встретила в Ашвилле молодого человека суинберновско-языческого толка, чьи страстные поцелуи и недвусмысленные речи не оставили ее равнодушной. Они обсудили все «за» и «против» как интеллигент-

ные влюбленные, без тени сентиментальности, и в конце концов она решила выйти замуж в соответствии со своим общественным положением, а он пережил духовный кризис, принял католичество и теперь звался монсеньор Дарси.

— А знаете, миссис Блейн, он ведь и сейчас еще интереснейший человек, можно сказать — правая рука кардинала.

— Когда-нибудь, я уверена, Эмори обратится к нему за советом, — лепетала красавица, — и монсеньор Дарси поймет его, как понимал меня.

К тринадцати годам Эмори сильно вытянулся и стал еще больше похож на свою мать — ирландку. Время от времени он занимался с учителями, — считалось, что в каждом новом городе он должен «продолжать с того места, где остановился». Но поскольку ни одному учителю не удалось выяснить, где именно он остановился, голова его еще не была сверх меры забита знаниями. Трудно сказать, что бы из него получилось, если бы такая жизнь тянулась еще несколько лет. Но через четыре часа после того, как они с матерью отплыли в Италию, у него обнаружился запущенный аппендицит — скорее всего от частых завтраков и обедов в постели, — и в результате отчаянных телеграмм в Европу и в Америку, к великому изумлению пассажиров, огромный пароход повернул обратно к Нью-Йорку, и Эмори был высажен на мол. Согласитесь, что это было великолепно, если и не слишком разумно.

После операции у Беатрисы был нервный срыв, подозрительно смахивающий на белую горячку, и Эмори на два года оставили в Миннеаполисе у дяди с теткой. И там его застигла, можно сказать, врасплох грубая, вульгарная цивилизация американского Запада.

Эпизод с поцелуем

Он читал, презрительно кривя губы:

«Мы устраиваем катание на санях в четверг семнадцатого декабря. Надеюсь, что и Вы сможете поехать. Приходите к пяти часам. Преданная Вам

Майра Сен-Клер».

Он прожил в Миннеаполисе два месяца и все это время заботился главным образом о том, чтобы другие мальчики в школе не заметили, насколько выше их он себя считает. Однако убеждение это

зиждилось на песке. Однажды он отличился на уроке французского (французским он занимался в старшем классе), к великому конфузу мистера Рирдона, над чьим произношением он высокомерно издевался, и к восторгу всего класса. Мистер Рирдон, который десять лет назад провел несколько недель в Париже, стал в отместку на каждом уроке гонять его по неправильным глаголам. Но в другой раз Эмори решил отличиться на уроке истории, и тут последствия были самые плачевные, потому что его окружали сверстники, и они потом целую неделю громко перекрикивались, утрируя его столичные замашки: «На мой взгляд... э-э-э... в американской революции были заинтересованы главным образом средние классы...», или: «Вашингтон происходил из хорошей семьи, да, насколько мне известно, из очень хорошей семьи...»

Чтобы спастись от насмешек, Эмори даже пробовал нарочно ошибаться и путать. Два года назад он как раз начал читать одну книгу по истории Соединенных Штатов, которую, хоть она и доходила только до Войны за независимость, его мать объявила прелестной.

Хуже всего дело у него обстояло со спортом, но, убедившись, что именно спортивные успехи обеспечивают мальчику влияние и популярность в школе, он тут же стал тренироваться с яростным упорством — изо дня в день, хотя лодыжки у него болели и подвывалились, совершал на катке круг за кругом, стараясь хотя бы научиться держать хоккейную клюшку так, чтобы она не цеплялась все время за коньки.

Приглашение мисс Майры Сен-Клер пролежало все утро у него в кармане, где пришло в тесное соприкосновение с пыльным остатком липкой ореховой конфеты. Во второй половине дня он извлек его на свет божий, обдумал и, набросав предварительно черновик на обложке «Первого года обучения латинскому языку» Коллара и Дэниела, написал ответ:

«Дорогая мисс Сен-Клер!

Ваше прелестное приглашение на вечер в будущий четверг поставило мне сегодня утром большую радость. Буду счастлив увидеться с Вами в четверг вечером.

Преданный Вам

Эмори Блейн».

И вот в четверг он задумчиво прошагал к дому Майры по скользким после скребков тротуарам и подошел к подъезду в половине

шестого, решив, что именно такое опоздание одобрила бы его мать. Позвонив, он ждал на пороге, томно полузакрыв глаза и мысленно репетируя свое появление. Он без спешки пройдет через всю комнату к миссис Сен-Клер и произнесет с безошибочно правильной интонацией:

«Дорогая миссис Сен-Клер, простите ради Бога за опоздание, но моя горничная... — он осекся, сообразив, что это было бы плагиатом, — но мой дядя непременно хотел представить меня одному человеку... Да, с вашей прелестной дочерью мы познакомились в танцклассе».

Потом он пожмет всем руку, слегка, на иностранный манер поклонится разряженным девочкам и небрежно кивнет ребятам, которые будут стоять, сбившись тесными кучками, чтобы не дать друга в обиду.

Дверь открыл дворецкий (один из трех во всем Миннеаполисе). Эмори вошел и снял пальто и шапку. Его немного удивило, что из соседней комнаты не слышно хора визгливых голосов, но он тут же решил, что прием сегодня торжественный, официальный. Это ему понравилось, как понравился и дворецкий.

— Мисс Майра, — сказал он.

К его изумлению, дворецкий нахально ухмыльнулся.

— Да, она-то дома, — выпалил он, неудачно подражая говору английского простолюдина.

Эмори окинул его холодным взглядом.

— Только, кроме нее-то, никого дома нет. — Голос его без всякой надобности зазвучал громче. — Все уехали.

Эмори даже ахнул от ужаса:

— Как?!

— Она осталась ждать Эмори Блейна. Скорей всего это вы и есть? Мать сказала, если вы заявитесь до половины шестого, чтобы вам двоим догонять их в «паккарде».

Отчаяние Эмори росло, но тут появилась и Майра, закутанная в меховую накидку, — лицо у нее было недовольное, вежливый тон давался ей явно с усилием.

— Привет, Эмори.

— Привет, Майра. — Он дал ей понять, что угнетен до крайности.

— Все-таки добрался наконец.

— Я сейчас тебе объясню. Ты, наверно, не слышала про автомобильную катастрофу.

Майра широко раскрыла глаза.

— А кто ехал?

— Дядя, тетя и я, — бухнул он с горя.

— И кто-нибудь убит?

Он помедлил и кивнул головой.

— Твой дядя?

— Нет, нет, только лошадь... такая, серая.

Тут мужлан-дворецкий поперхнулся от смеха.

— Небось лошадь убила мотор, — подсказал он. Эмори не задумываясь послал бы его на плаху.

— Ну, мы уезжаем, — сказала Майра спокойно. — Понимаешь, Эмори, сани были заказаны на пять часов, и все уже собрались, так что ждать было нельзя...

— Но я же не виноват...

— Ну, и мама велела мне подождать до половины шестого. Мы догоним их еще по дороге к клубу Миннегага.

Последние остатки притворства слетели с Эмори. Он представил себе, как сани, звеня бубенцами, мчатся по заснеженным улицам, как появляется лимузин, как они с Майрой выходят из него под укоряющими взглядами шестидесяти глаз, как он приносит извинения... на этот раз невыдуманные. Он громко вздохнул.

— Ты что? — спросила Майра.

— Да нет, я просто зевнул. А мы наверняка догоним их еще по дороге?

У него зародилась слабая надежда, что они проскользнут в клуб Миннегага первыми и там встретят остальных, как будто уже давно устали ждать, сидя у камина, и тогда престиж его будет восстановлен.

— Ну конечно, конечно, догоним. Только не копайся.

У него засосало под ложечкой. Садясь в автомобиль, он наскоро подмешал дипломатии в только что зародившийся сокрушительный план. План был основан на чьем-то отзыве, кем-то переданном ему в танцклассе, что он «здорово красивый и что-то в нем есть английское».

— Майра, — сказал он, понизив голос и тщательно выбирая слова. — Прости меня, умоляю. Ты можешь меня простить?

Она серьезно поглядела на него, увидела беспокойные зеленые глаза и губы, казавшиеся ей, тринадцатилетней читательнице модных журналов, верхом романтики. Да, Майра с легкостью могла его простить.

— Н-ну... В общем, да.

Он снова взглянул на нее и опустил глаза. Своим ресницам он тоже знал цену.

— Я ужасный человек, — сказал он печально. — Не такой, как все. Сам не знаю, почему я совершаю столько оплошностей. Наверно, потому, что мне все — все равно. — Потом, беспечно: — Слишком много курю последнее время. Отразилось на сердце.

Майра представила себе ночную оргию с курением и Эмори, бледного, шатающегося, с отравленными никотином легкими. Она негромко вскрикнула:

— Ой, Эмори, не надо курить, ну пожалуйста. Ты же перестанешь расти.

— А мне все равно, — повторил он мрачно. — Бросить я не могу. Привык. Я много делаю такого, что если б узнали мои родственники... На прошлой неделе я ходил в театр варьете.

Майра была потрясена. Он опять взглянул на нее зелеными глазами.

— Из всех здешних девочек только ты мне нравишься, — воскликнул он с чувством. — Ты симпатико.

Майра не была в этом уверена, но звучало слово модно, хотя почему-то и неприлично.

На улице уже сгустилась темнота. Лимузин круто свернул, и Майру бросило к Эмори. Их руки соприкоснулись.

— Нельзя тебе курить, Эмори, — прошептала она. — Неужели ты сам не понимаешь?

Он покачал головой.

— Никому до меня нет дела.

Майра сказала не сразу:

— Мне есть.

Что-то шевельнулось в его сердце.

— Еще чего! Ты влюблена в Фрогги Паркера, это всем известно.

— Неправда, — произнесла она медленно — и замолчала.

Эмори ликовал. В Майре, уютно отгороженной от холодной, туманной улицы, было что-то неотразимое. Майра, клубочек из меха, и желтые прядки выются из-под спортивной шапочки.

— Потому что я тоже влюблен... — Он умолк, заслышав вдали взрывы молодого смеха, и, прильнув к замерзшему стеклу, разглядел под уличными фонарями темные контуры саней. Нужно действовать немедленно. С усилием он подался вперед и схватил Майру за руку — вернее, за большой палец.

— Скажи ему, пусть едет прямо в Миннеаполис, — шепнул он. — Мне нужно с тобой поговорить, обязательно.